

over
9 in 1

1

40¢

0

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ
ВЪ УКРАИНСКОЙ
НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Р. Румцова.

Изданіе редакціи „Кіевской Старины“.

КИЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. А. Штамомъ, Мало-Житом. ул., д. № 4.

1886.

Printed in Russia.

over
9 in 1

1

404

0

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ
ВЪ УКРАИНСКОЙ
НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Н. Р. Румцова.

Издание редакціи „Кіевской Старины“.

КИЕВЪ.

Типографія А. Давиденко, аренд. Л. Штамомъ, Мало-Житои. ул., д. № 4.
1886.

Printed in Russia.

27233.61.E

Grant Fund

МѢСТНЫЯ НАЗВАНІЯ ВЪ УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

Въ статьѣ о малорусской географической номенклатурѣ (Кіевск. Стар. 1886 г., т. VII и отд. оттиски) я сдѣлалъ общій обзоръ мѣстныхъ собственныхъ именъ въ этнографическихъ предѣлахъ малорусскаго народа, причемъ на ряду съ мѣстными названіями, которыя даны крестьянами, шли мѣстныя же названія, возникшія по произволу землевладѣльцевъ изъ дворянъ, и на ряду съ собственно малорусскими мѣстными названіями шли возникшія на южнорусской почвѣ названія татарскія, румынскія, нѣмецкія ¹⁾. Въ итогѣ получилась довольно пестрая смѣсь собственныхъ именъ разнообразнаго происхожденія, указывающая на весьма разнообразное движеніе южнорусской жизни въ древнее время.

Въ предлагаемой вниманію читателя статьѣ я ограничиваюсь одной стороною предмета, не затронутой мною въ статьѣ о географической номенклатурѣ, именно географическими свѣдѣніями южнорусскаго народа, на сколько они выразились въ его словесно-поэтическомъ творчествѣ. Не задаваясь широкими цѣлями, я оставляю въ сторонѣ много интересныхъ вопросовъ, соприкасающихся съ предметомъ, подлежащимъ изслѣдованію, напримѣръ, вопросы о томъ, какими путями южнорусскій народъ пріобрѣталъ географическія свѣдѣнія въ старинное время, что взято изъ школы и письменности, что взято изъ устныхъ разсказовъ бывалыхъ людей, ко-

¹⁾ Кстати, здѣсь укажемъ на одну случайную перестановку словъ въ статьѣ о географич. номенклатурѣ; на стр. 459 сказано: (Покутье) „между Днѣстромъ на западѣ и Карпатами на востокѣ“. *Нужно:* между Днѣстромъ на востокѣ и Карпатами на западѣ.—Н. С.

заковъ и странниковъ-богомольцевъ, какъ вообще великъ былъ запасъ географическихъ свѣдѣній южнорусскаго народа, судя по даннымъ матеріаламъ, письменнымъ и устнымъ. Желательно опредѣлить ту часть географическихъ свѣдѣній, которая составляла нѣкогда достояніе всего народа, безъ различія сословій, и была закрѣплена въ думахъ и пѣсняхъ; при этомъ желательно установить связь основныхъ географическихъ свѣдѣній народа со всѣмъ складомъ его исторіи и быта.

Значительнымъ различіемъ великорусскихъ былинъ и малорусскихъ историческихъ пѣсенъ по времени ихъ возникновенія обусловливается ихъ крупное различіе относительно географической терминологіи. Великорусская былина превосходитъ малорусскія думы по древности. Какъ извѣстно, въ наукѣ господствуетъ мнѣніе, впервые высказанное въ 1863 г. Л. Н. Мидайловымъ, что содержаніе былинъ Владимірова цикла вырабатывалось въ продолженіе X, XI и XII вѣковъ, т. е. въ первой половинѣ удѣльно-вѣчеваго періода, а установилось не позже времени татарскаго владычества и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала въ себѣ всю государственную силу Руси и въ народѣ свѣжа была память о первенствующемъ значеніи Кіева. Такой эпохой можно считать вторую половину удѣльно-вѣчеваго періода, вѣка XIII и XIV¹⁾. Недавно вышедшее, интересное во многихъ отношеніяхъ сочиненіе М. Е. Халанскаго «Великорусскія былины кіевского цикла» указываетъ на необходимость нѣсколько ограничить это мнѣніе, расширивъ значеніе московскаго періода русской исторіи въ созданіи и развитіи былевой поэзіи. При всемъ томъ, на основаніи представленныхъ М. Е. Халанскимъ фактовъ и соображеній, нельзя еще согласиться съ авторомъ, что «Москва, собирательница русской земли, явилась и собирательницей русскаго эпоса, и московскимъ пѣтарямъ принадлежитъ уже какъ дальнѣйшее развитіе русскаго эпоса, такъ и централизація его въ кіевскій кругъ»²⁾. Уже изъ одного того обстоятельства, что центральная, вполнѣ московская Россія почти совсѣмъ не сохранила былинъ, въ то время, какъ остатки былевой поэзіи сохранились въ Руси нов-

¹⁾ Л. Мидайловъ, О былинахъ влад. цикла, стр. 24—27.

²⁾ М. Халанскій, Великор. былины кіевск. цикла, стр. 213.

городской и въ Руси суздальской, говорить не въ пользу Москвы. Мнѣніе о древнемъ происхожденіи и развитіи русскаго эпоса остается непоколебленнымъ, и, между прочимъ, мнѣніе это подтверждается древнимъ характеромъ былевой географической номенклатуры, неопредѣленной, неточной, расплывчивой, большею частью фантастической. Нѣтъ сомнѣнія, что простой русскій народъ имѣетъ много точныхъ и обстоятельныхъ географическихъ свѣдѣній. Мало-ли куда ни забирался русскій солдатъ, русскій мастеровой, русскій странникъ-богомалецъ. Однако, точныя его свѣдѣнія не попали въ глубоко древнюю былинну и вообще не выразились въ его словесно-поэтическомъ творествѣ, за исключеніемъ только свѣдѣній о славныхъ во всемъ христіанскомъ мірѣ Іерусалимѣ и Цареградѣ. Въ былинахъ находятся или мало понятныя географическія названія, требующія объясненія, или даже вполне фантастическія. Къ числу первыхъ относятся Литва и Литавъ хоробрая, некрещеная, поганая, царство Литвинское, королевство Политовское, Ляховинское, Ляховецкое, Карела поганая или богатая, Чудь бѣлоглазая, земля Веденецкая съ городомъ Леденцомъ, царство Сарацинское или Сорочинское, гдѣ живетъ Сорочина долгополая; орды невѣрныя, немирныя, дальнія, темныя, великія,—Большая, Золотая, населенная татарами, улановыми, Индія богатая, Агаряне. Все это названія извѣстныхъ странъ и народовъ, очевидно, подвергшіяся сильному обобщенію и расшитыя фантастическими узорами. Далѣе идутъ совершенно темныя географическія названія: земля Гленская (англійская?), улусы загорскія, Могозея, земля и орда Заоданская, царство Алыберское¹⁾. Ня ряду съ дѣйствительными рѣками Дунаемъ, Дономъ, Днѣпромъ, Волгой, Камой идутъ фантастическія рѣки Израй, Сафатъ, Пучай, Смородина, Нѣпра, а въ числѣ горъ Сорочинскія, Сіонскія, Палачъ гора, Скатъ гора. Вообще, всѣ географическія названія, даже такія реальныя, какъ Брянскіе лѣса, Кіевъ, Днѣпръ, облечены таинственностью, туманомъ, вполне или отчасти потеряли реальное свое значеніе и стали обозначать вообще темный, дремучій лѣсъ, отдаленный священный или богатый городъ, далекую и глубокую рѣку. Съ литературной точки зрѣнія эта географическая таинственность имѣетъ свою цѣн-

¹⁾ Л. Майковъ, О былинахъ, стр. 43—44.

ность: она содѣйствуетъ поэтическому полету фантазіи и даетъ извѣстный разгонъ для мысли.

Можно сказать, съ каждымъ десятилѣтіемъ укрѣпляется убѣжденіе въ существованіи древняго, южно-русскаго до-козацкаго эпоса. П. А. Кулишъ въ пятидесятыхъ годахъ, И. В. Ягичъ въ семидесятыхъ годахъ, высказывали мнѣніе, что богатое развитіе южно-русскаго эпоса въ XVII ст. предполагаетъ существованіе эпоса наклонности къ эпическому творчеству въ болѣе старое время. М. Е. Халанскій замѣчаетъ, что древній южно-русскій эпосъ органически примкнулъ къ новѣйшему, козацкому. Какъ извѣстно, древній южно-русскій эпосъ теперь до нѣкоторой степени возстановляется путемъ научнаго анализа малорусскихъ пѣсенъ, преимущественно колядокъ. Наиболѣе крупными научными работами въ этомъ направленіи представляются «Истор. пѣсни малор. народа» В. Б. Антоновича и М. П. Драгоманова и статьи Н. И. Костомарова о малорусской исторической поэзіи въ Вѣстникѣ Европы и въ Русской Мысли. При всемъ томъ, удалось болѣе возбудить вопросовъ и сомнѣній, чѣмъ установить несомнѣнно вѣрные факты до-козацкаго эпоса; относимое къ древнему южно-русскому эпосу крайне незначительно въ количественномъ отношеніи и въ значительной части еще подлежитъ критической провѣркѣ. Какъ-бы то ни было, древній южно-русскій эпосъ ускользаетъ отъ изученія относительно географической терминологіи. Какія географическія свѣдѣнія выразились въ до-козацкомъ эпосѣ и что наслѣдовали въ этомъ отношеніи отъ древняго эпоса малорусскія думы и пѣсни козацкаго періода южнорусской исторіи,—на эти вопросы трудно отвѣтить. Съ значительной долей вѣроятія можно только утверждать, что Дунай, въ значеніи воды и рѣки вообще и въ частности въ значеніи извѣстной рѣки черноморскаго бассейна, и затѣмъ, быть можетъ, Черное море и Днѣпръ входили въ древнѣйшія малорусскія пѣсни и впоследствии вошли въ малорусскія думы и пѣсни XVII ст. и болѣе поздняго времени.

Строго говоря, малорусская народная поэзія начинается съ XVI ст. и замираетъ въ XVIII ст. Первое упоминаніе о малорусскихъ думахъ находится у польскаго историка Сарницкаго начала XVI ст. Древнѣйшей записанной малорусской пѣсней представляется пѣсня въ чешской граматикѣ Благовослава конца XVI ст.

Чрезвычайной силы и выразительности малорусская поэзія достигаетъ въ XVII ст., и затѣмъ слѣдуетъ ослабленіе. крупное уже въ XVIII ст., что видно на историческихъ пѣсняхъ о Паліѣ, о службѣ козацкой на такъ называемыхъ «канавахъ» и на «линіи», и для всѣхъ очевидное въ XIX ст. Вообще, малорусская народная поэзія, въ особенности думы, возникла и развилась на виду положительной исторіи, и одной изъ наиболѣе характерныхъ ея особенностей представляется историческая точность и правдивость въ описаніи лицъ и событій, также относительно хронологическихъ и географическихъ данныхъ.

Не будетъ ошибкой къ малорусскимъ пѣснямъ приложить тотъ же широкій способъ раздѣленія на пѣсни мужескія и пѣсни женскія, какой авторитетными людьми науки, Я. Гримомъ и Миклошичемъ, приложенъ къ сербской поэзіи. Я. Гримъ усматривалъ даже въ сказкахъ различіе, обусловленное тѣмъ, сложена ли сказка мужчиной или женщиной¹⁾. Въ такомъ случаѣ въ разрядъ мужескихъ пѣсень войдутъ всѣ пѣсни историческія, колядки, многія любовныя и семейно-родственныя пѣсни, въ отдѣлѣ пѣсень женскихъ значительное большинство любовныхъ пѣсень, веснянки, свадебныя пѣсни, всѣ колыбельныя пѣсни. Въ Галицкой Руси въ сочиненіи коломыекъ, шумокъ, чабарашекъ, талалаекъ оба пола принимали одинаково дѣятельное участіе. Мѣстныя собственныя имена встрѣчаются почти исключительно въ мужескихъ пѣсняхъ, преимущественно въ думахъ. Въ женскихъ пѣсняхъ изрѣдка встрѣчается Украина, обыкновенно рассматриваемая къ отношенію къ милому: милый уѣхалъ на Украину; милый изъ Украины шлетъ письма; милый тоскуетъ въ Украинѣ далекой и т. д. Очевидно, ядѣсь обнаружилась разница въ объемѣ географическихъ свѣдѣній мужчины и женщины въ старинное время. Въ положеніи козака, чумака, купца, странника-богомольца мужчина предпринималъ болѣе или менѣе далекія путешествія и болѣе женщины знакомился съ чужими странами и съ своей родиной.

Относительно мѣстныхъ названій въ особенности заслуживаютъ вниманія колядки и историческія пѣсни. Здѣсь иногда встрѣчаются отзывы и характеристики странъ. Въ семейно-родствен-

¹⁾ Miklosich, Die serbische Epik, 5.

ныхъ пѣсняхъ встрѣчается почти исключительно Дунай. Въ галицко-русскихъ пѣсняхъ болѣе мѣстныхъ названій, чѣмъ въ пѣсняхъ малорусскихъ, что соотвѣтствуетъ общей краевой или мѣстной окраскѣ галицко-русскихъ пѣсенъ. Много мѣстныхъ названій находимъ въ галицкихъ коломыйкахъ. Напримѣръ:

Ой пиду я до Вербижа, або до Мышина ¹⁾.
 По надъ село Ивановецьке зацвѣли цвѣточки ²⁾.
 Ой на горѣ на Самборѣ камень муку меле ³⁾

Иногда къ мѣстному названію присоединяется краткая характеристика самой мѣстности:

Ой пиду я до Ланчина, Ланчинъ на долині,
 А Ланчиньска челядочка якъ листъ на калині ⁴⁾.
 На Рангурахъ нема лѣса, лише саме дубье ⁵⁾.

Нужно замѣтить, что мѣстныя названія довольно часто попадаютъ въ искусственныхъ галицко-русскихъ пѣсняхъ, принятыхъ мѣстами народомъ. Подобнаго рода пѣсенъ находится довольно много въ сборникѣ г. Головацкаго. Не трудно замѣтить искусственную краевую или мѣстную окраску въ галицко-русскихъ пѣсняхъ, возникшихъ въ интеллигенціи и проникшихъ въ массу простаго народа, окраску, выражающуюся въ преувеличеніи значенія края, въ большой долѣ краеваго патріотизма; наримѣръ:

Всюды чудни красавицы,
 Пышни, якъ калина;
 Але надъ всѣхъ наичуднѣйше
 Робить Буковина.....
 Пріятеля знайдешь всюды;
 Серце не загине;
 Але пріязнѣйши люде,
 Люде въ Буковинѣ ⁶⁾.

Если интеллигентный человѣкъ даетъ тенденціозную окраску извѣстной мѣстности въ идеальномъ стремленіи прославить ее или очернить, то простой народъ предлагаетъ въ пѣсняхъ прямо выду-

¹⁾ Сборн. Головацкаго, т. II, стр. 249. ²⁾ Тамъ же, стр. 259. ³⁾ Тамъ же, стр. 265. ⁴⁾ Тамъ же, стр. 266. ⁵⁾ Тамъ же, стр. 334. ⁶⁾ Тамъ же, стр. 371.

мѣстныхъ названія, только по требованіямъ исключительно формальнаго свойства, для соблюденія аллитераціи или римы;—такъ велико въ народномъ бытѣ формальное, внѣшнее значеніе поэзіи. Въ одной пѣснѣ для соблюденія аллитераціи вставлено вымышленное собственное имя Яришъ; въ думѣ про козака Голоту находимъ: «ой, долино—Ялино! скільки я на тоби гулявъ» (Ант. и Драг., 1, 171); въ бурлацкой пѣснѣ поется: «одна рычка—Копирочка въ Днипро упала» (Чубин., V. 1013).

Народная поэзія пользуется мѣстными названіями для усиленія даннаго выраженія. Цѣль усиленія мысли достигается въ такомъ случаѣ посредствомъ сравненія двухъ мѣстностей по величинѣ или путемъ приблизительнаго опредѣленія пространства между ними. Такой приѣмъ народной мысли въ особенности ясно выразился въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» и позднѣе проявился въ наиболѣе архаическихъ отдѣлахъ народной поэзіи, думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ. Въ «Словѣ о Полку Игоревѣ» находимъ слѣдующія примѣты усиленія мысли посредствомъ мѣстныхъ названій:

- 1) Комони ржуть за Сулою; звенить слава въ Киевѣ.
- 2) Трубы трубятъ въ Новѣградѣ; стоятъ стязи въ Путивлѣ.
- 3) Дивъ кличетъ врѣху древа, велитъ послушати земли незнаемѣ, Влзѣ, и Поморію, и Посулію, и Сурожу, и Корсуню.
- 4) Олегъ.... ступаетъ въ златъ стремя въ градѣ Тмутороканѣ; тоже званъ (славы) слыша давный великій Ярославъ, а сынъ Всеволожъ Владиміръ по вся утра уши закладаше въ Черниговѣ.
- 5) Встала обида въ силахъ Дажьбожа внука, вступи дѣвою въ землю Трояню, восплескала лебедиными крылы на синѣмъ море, у Дону плещучи.
- 6) А вѣстона бо, братіе, Киевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разліяся по Руской земли.
- 7) Ты бо можеша Волгу веслы раскропити, а Донъ шеломы выльяти.
- 8) Подперъ горы угорскы своими желѣзными плѣчи, затворивъ Дунаю ворота.... суды рядя до Дуная,... отворяеши Киеву врата.....
- 9) Уже бо Сула не течетъ сребренными струями къ граду Переяслави, Двина болотомъ течетъ онымъ грознымъ Полочаномъ....
- 10) Всеславъ..... скочи влъкомъ до Немиги съ Дудутокъ

11) Всеславъ..... изъ Кіева дорискаше до куръ Тматороканя...

12) Тому въ Полотскѣ позвониша заутренюю рано у святыхъ Софѣи, а онъ въ Кіевѣ звонъ слыша.

13) Игорь мыслию поля мѣрять отъ великаго Дону до малаго Донца.

14) Донецъ рече: княже Игорю, не мало ти величія... Не тако ли, рече, рѣка Стугна, худу струю имѣя,.... князю Ростиславу затвори Днѣпръ темнѣ березѣ....

15) Дѣвици поють на Дунаи, вьются голося чресъ море до Кіева.

Въ «Словѣ» находится много другихъ мѣстныхъ названій, не заключающихъ въ себѣ усиленія мысли; въ приведенныхъ же примѣрахъ болѣе или менѣе отчетливо обнаруживается такое усиленіе. Подобнаго рода явленіе находимъ въ думахъ и свадебныхъ пѣсняхъ; напримѣръ, въ думѣ объ угнетеніи Украины жидами:

Слышенъ теперъ у насъ гетьманъ Хмельницькій

Якъ одъ Билои Церкви та до славнаго Запорожа ¹⁾.

Въ галицкой свадебной пѣснѣ, или ладканѣ:

Въ Львовѣ вѣнки вили,

Въ Перемышли малѣвали ²⁾.

Въ галицкой веснянкѣ, или гаивкѣ чоботы кievской работы, куплены во Львовѣ, подкованы въ Краковѣ ³⁾. Въ коломыйкѣ:

Въ Старогвоздци загремило, въ Малогвоздци тихо,

Ой веземо сорокъ дубовъ панови на лихо ⁴⁾.

Въ галицко-русской рекрутской пѣснѣ:

Ой неволя, мати, неволя, неволя,

Въ Коломыи стрижаютъ, до Черновець гонять ⁵⁾.

Въ малорусской пѣснѣ:

Отъ Дударивъ до Чернышивъ дорога розлога;

Туда моя поехала любая розмова ⁶⁾.

¹⁾ Ант. и Драг., г. II, стр. 22. ²⁾ Гол., т. II, стр. 127. ³⁾ Тамъ-же, стр. 191

⁴⁾ Тамъ-же, стр. 374. ⁵⁾ Гол., т. I, стр. 137. ⁶⁾ Чуб., т. V, стр. 199.

Въ буковинской пѣснѣ: «надъ мистомъ Станиславомъ хмари се зибали; надъ мистомъ Снятиномъ три громы загрѣмили, надъ селомъ Берегометевъ дрибненькій дожчикъ упавъ,—молодонькій зажурился» и пр. ¹⁾.

Въ мѣстныхъ названіяхъ украинской словесности обнаруживается стремленіе народной мысли къ ассимиляціи иноплеменныхъ названій и облеченіе ихъ въ понятныя украинскому народу формы. Такъ, Евпаторія таврической губерніи у крымскихъ татаръ называлась Геслеве; въ думѣ про Ивана Богуславца находимъ Кизлевъ ²⁾; въ Плачѣ козловская пристань ³⁾; вблизи днѣпровскаго лимана лежитъ островъ Тендеръ, неоднократно упоминаемый въ думахъ; въ одной пѣснѣ находимъ Тынъ-дерево; Маріуполь называется Марнополемъ.

Черное море.

Близкое знакомство русскаго народа въ древнее время съ Чернымъ моремъ и затѣмъ близкое знакомство малороссіянъ съ Чернымъ моремъ въ XVI—XVII ст. должно было такъ или иначе отразиться въ народной поэзіи. Въ великорусской поэзіи выступаетъ смутный призракъ окіана-моря, находящагося гдѣ-то далеко, за межей матушки святой Руси. Въ стихѣ о Голубиной книгѣ находится замѣчаніе, что

Посреди моря окіанскаго,
Выходила церковь соборная,
Соборная, богомольная,
Святого Климента попа римскаго.

Изъ церковно-историческихъ преданій христіанства извѣстно, что св. Климентъ, папа римскій, сосланъ былъ изъ языческаго Рима въ Крымъ и здѣсь былъ утопленъ въ морѣ, близъ древняго греческаго города Херсонеса; затѣмъ, по восторжествованіи христіанства, утвердилось въ христіанскомъ мірѣ повсюдное вѣрованіе, что ежегодно, въ день памяти св. мученика, море въ Херсонесѣ отступало отъ берега, и во глубинѣ его обнажалась чудесно возникшая церковь, въ которой неслыханныя мощи святителя предста-

¹⁾ Лоначевск., стр. 203. ²⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 241. ³⁾ Тамъ-же, стр. 94.

вляясь благоговѣйному поклоненію христіанъ. Св. просвѣтитель славянъ Кирилль, по преданію, взялъ изъ глубины морской мощи св. Климента и перенесъ ихъ къ славянамъ. По другому преданію Владиміръ послѣ крещенія своего въ Херсонесъ перенесъ мощи св. Климента въ Кіевъ¹⁾. Такимъ образомъ, за окіанъ-моремъ великорусскихъ пѣсень скрывается иногда Черное море.

Черное море, какъ наиболѣе извѣстное въ до-монгольской Руси, повидимому, считалось моремъ по преимуществу и называлось просто моремъ. По свидѣтельству древней лѣтописи Черное море въ древности слыло по преимуществу Русскимъ моремъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» Черное море нѣсколько разъ упоминается подъ словомъ море, безъ прилагательнаго черныи.

- 1) Черныя тучи съ моря идутъ.
- 2) Се вѣтри, Стрибожи внуци, вѣютъ съ моря стрѣлами.
- 3) Половци идутъ отъ Дона и отъ моря. Въ этомъ случаѣ рѣчь идетъ собственно объ Азовскомъ морѣ, упоминаемомъ въ другомъ мѣстѣ «Слова» подъ названіемъ Лукоморья.

4) Въ морѣ погрузиста.

5) Присну море полунощи.

Во всѣхъ этихъ случаяхъ, нужно думать, подразумѣвается Черное море вмѣстѣ съ Азовскимъ моремъ, что въ особенности ясно видно изъ слѣдующаго мѣста: «Дѣвици поють на Дунаи, вьются голоса чресъ море до Кіева».

Въ «Словѣ о полку Игоревѣ», въ малорусскихъ и великорусскихъ пѣсняхъ Черное море выступаетъ довольно часто подъ названіемъ Синяго моря. Довольно трудно опредѣлить, гдѣ слово синее является эпитетомъ моря вообще, и гдѣ оно нераздѣльно съ словомъ море составляетъ одно собственное имя. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» слово *синий* служитъ эпитетомъ моря и рѣки Дона. Сначала въ «Словѣ» о синемъ морѣ упоминается въ совершенно темной фразѣ:... «бѣша дебрь кисаню и несошлю къ синему». Въ довольно ясномъ значеніи Чернаго моря синее море находится въ выраженіи: «Се бо готскія красныя дѣвы воспѣша на брезѣ синему морю». По видимому, простымъ эпитетомъ моря слово *синее* является въ

¹⁾ Надеждинъ, въ Русск. Бесѣдѣ 1857 г., т. VII. Смѣсь, стр. 9.

плачѣ Ярославны: «О вѣтре, вѣтрило!... мали ли ти башеть горѣ подѣ облаки вѣяти, лелѣючи корабли на синемъ морѣ».

Столь же неопредѣленное положеніе слово *синее* имѣетъ въ малорусской народной поэзіи, въ приложеніи къ морю. Несомнѣнно оно обозначаетъ Черное море въ слѣдующемъ мѣстѣ галицко-русской колядки:

Ой, коню, коню, продамъ я тебе.—
Ой, пане, пане, погадай собѣ,
Коль я тя вынись зъ туркивъ, татаривъ...
Коль насъ нагнали зъ крута берега,
Зъ крута берега на тихій Дунай,
На тихій Дунай, на Сине море...¹⁾

Синее море встрѣчается въ разныхъ поэтическихъ мотивахъ. Въ колядкѣ Богородица скрываетъ Спасителя въ синемъ морѣ отъ жидовъ²⁾; въ свадебной пѣснѣ невеста тонетъ въ синемъ морѣ; отецъ, мать, братъ, сестра не могутъ ее спасти; спасаетъ ее милый³⁾. Подобнаго рода пѣсенный мотивъ чаще встрѣчается съ Дунаемъ. Ковакъ ищетъ доли за синимъ моремъ⁴⁾; и этотъ мотивъ чаще встрѣчается въ приложеніи къ Дунаю. Въ одной старинной пѣснѣ о разрушеніи бурей турецкаго корабля «дошикъъ накрапае, та синего моря доповняе»⁵⁾.

Въ малорусскихъ думахъ XVI и XVII ст. довольно часто упоминается Черное море, съ чертами очевидно личнаго съ нимъ знакомства козаковъ. По показанію испанскаго священника Otavio Sapiencia отъ 1622 г. козаки изъ Запорожья, гдѣ въ его время набиралось до 30—40,000 человѣкъ, выставляли 200—300 чаекъ и смѣло ѣздили по всему Черному морю; такъ, въ 1616 и 1617 г. они нападали съ уснѣхомъ на Синопъ, Кафу и Требизондъ. Въ 1621 г. турецкіе начальники наловили на Черномъ морѣ много козаковъ. Въ 1624 г. козаки сдѣлали нападеніе на самый Босфоръ⁶⁾. Знакомствомъ козаковъ съ черноморскими бурями обусловлено живописное ихъ описаніе въ думахъ. «На Чорному морю быстрая хвиля встала⁷⁾, заноситъ козацкія чайки «въ дунайское гирло», вертитъ ихъ на «лихій хуртовини»⁸⁾. Потери на Черномъ морѣ

¹⁾ Голов., т. IV, стр. 44. ²⁾ Тамъ-же, стр. 113. Тамъ-же, стр. 229. ³⁾ Чуб., т. V, стр. 936. ⁴⁾ Ант. и Драг., т. I, стр. 99. ⁵⁾ Ант. и Драг., Историч. пѣсни малор. нар., т. I, стр. 203. ⁶⁾ Тамъ-же, стр. 89. ⁷⁾ Тамъ-же, стр. 176.